

Михаил ЯЦЕНКО

Красноярск

Михаил Петрович Яценко родился 9 ноября 1957 года на Украине. После окончания Киевского госуниверситета работал во Львовском политехническом институте. С 1989 года живёт в Сибири. Доктор философских наук, профессор Сибирского федерального университета. Член редакционной коллегии журнала «ДИСКУРС» (С-Петербург). Член Союза писателей России. Опубликовал пять авторских поэтических сборников: «Веко века» (2013), «Тоска по эху» (2014), «ПроСвет» (2017), «Сторица» (2021), «Приобщение» (2022), — а также сборник рассказов. Творческий потенциал реализует также в художественной фотографии.

ГОСТИНИЦА

Олег застрял в этой забытой Богом районной гостинице, хотя до родительского дома оставалось всего десятка три километров. Были причины, в которых не хотелось сознаваться даже себе самому, поэтому приходилось ссылаться на неразбериху с автобусами. Они и ранее посещали его Сушки по какому-то своему, только, видать, водителям известному графику. Бездорожье, особо ярко проявившееся после серии обильных дождей, как бы способствовало его смутному желанию оттянуть встречу с родными местами. Олег боялся даже себе признаться в том, что ищет повод для отсрочки момента встречи с отцом. Конечно, телеграмма недвусмысленно давала понять, что нельзя медлить, ведь у отца первая группа уже почти год. Однако тут же всплывал образ его молодой жены, которая собой как бы перечёркивала всю лирическую сторону встречи с родными местами...

Второй день Олег вяло листал старые журналы, периодически звонил на автостанцию, удовлетворяясь раздражительным диспетчерским: «Сообщим дополнительно!» Был кипятыльник, хотя кто-то из obsługi предупредил: «Поймаем — за всех расплачиваться придётся...»; оставались пакетики с очень пахнущим, но мало похожим на чай содержимым.

Соседа он заметил сразу, однако отшил его при первой попытке знакомства. Были любимые бумаги и не очень любимые мысли. Надобно привести их в порядок, раз уж такая ситуация сложилась. Защиту его диссертации всё переносили, однако Олег, считая себя революционером, даже этот факт воспринимал как дань эпохе. Особо по городу не бродил. Нечего здесь смотреть: убого всё, особенно после черныбыльского случая; казалось, все ходили с потухшими, выцветшими глазами. Это угнетало — боялся распознать в глубине какого-либо взгляда то, что ускорит его отъезд.

Сегодня Олегу всё-таки удалось добрести до автостанции, хотя делал он это скорее для очищения совести, чем для реального решения вопроса. Частные извозчики отказывались ехать даже за двойную плату.

Возвращаясь обратно, неожиданно возле реки заметил соседа. То, что он делал, было настолько необычно, что Олег подошёл поближе. Сосед, ловко эквилибрируя, что-то измерял на скале возле реки. Когда увидел Олега, несколько не смутился, подошёл и задумчиво-потерянно промолвил:

— Они даже не знают, что напрямую прикасаются к истории. К сожалению, только телами, а душа почему-то не просыпается, — кивнул в сторону немногочисленных пляжников.

Олег продолжал недоуменно рассматривать соседа, пока тот большим аляповато-зелёным платком вытирал вспотевшую лысину. Медленно пошли в сторону гостиницы. Две девушки-подростка, цаплевидно обогнав их, прощались на перекрёстке:

— Ну что, завтра, как обычно, возле купальни Ольги?

Сосед оживился:

— Ого! Видать, ещё не всё пропало, если школьницы помнят, по какой земле ходят! А я-то, грешным делом, думал...

Подключился и Олег:

— Молодцы, что родное не забываете! Наверное, историка вашего надо поблагодарить

— Нехорошо, предки, к девушкам приставать, — заиграла чёлкой высокая, а во взгляде мелькнул тот неповторимый опыт, который характерен для такого странного подарка природы, как подросток-женщина.

— В каком историческом месте купаетесь! Можно сказать — возле самой Ольги...

— Какой Ольги? — в улыбке низенькой резко проявилось что-то кроличье.

Вторая, выжимая одной рукой волосы, кокетливо блеснула из-под ресниц:

— Я лично Ира, а её...

— А я — неизвестная, — хохотнула, подчёркивая свою кроличью мордочку.

Потянула подругу за руку, отвернулась, покрутив пальцем у виска.

Какое-то время шли молча. Потом Олег не удержался:

— Это вы по работе здесь... исследуете?

— Да, вижу, что не только юному поколению, но и вам, педагогам, вряд ли нужна моя деятельность.

— Почему вы решили, что я педагог? — недовольно скрипнул Олег: «Воистину — гостиница с гостинцами!»

— Напрасно вы работниц так называемой гостиницы подозреваете. Они хоть и столичной выучки не имеют, но совести, я думаю, побольше. Вас, учителей, издалика видеть. Как ещё лекцию этим девчущкам читать не начали? Взгляд, конечно, выдаёт.

Олег ломал веточки и лениво помахивал ими — к вечеру чувствовалось обилие комаров в этом полесском болотном крае.

Несколько заинтригованный, Олег решил ближе познакомиться с соседом, тем более что вчера видел, как он уезжал на какой-то машине. Может, удастся договориться с поездкой.

Сидели в номере. Небольшая плоская бутылка коньяка — запас Олега — сменилась довольно внушительной бутылкой «домашнего», которую вскоре притащил сосед. Звали его Оскар.

Что-то странное было не только в имени, но и во всех его манерах. Оказалось, что он краевед, фанатик своего дела, как вскоре убедился Олег.

Олег в последнее время не часто признавался, что по основной специальности он историк. Всегда подчёркивал, что не только кандидатская у него по философии, но и докторскую заканчивает в том же ключе. Он не то чтобы стеснялся своей исторической сущности, но постепенно отходил от культа фактического материала. Коллеги, у которых было базовое философское образование, настойчиво убеждали его в необходимости подняться над фактической событийной исторической суетой. Окончательно убедился Олег в необходимости осмысления философской сущности истории в эти смутные времена, когда на историков вешают всех, в том числе политических, собак...

В последнее время прошлое слишком быстро настраивало его на персоналии, а оттуда напрашивались параллели.

— Вы понимаете, душа болит, ведь здесь, невдалеке, Игоря-князя казнили. Я высчитал место, а им нужны факты. Какие ещё? Сегодня мы с вами ступали по камням, где ходила Ольга, — сосед каждый раз наливал всё щедрее и чаще. — Неужели вы не чувствуете тысячелетнюю сопричастность?! А им, сегодняшним, ничего не надо. Я, кстати, доказал, что у Святослава с матерью тоже был серьёзный разрыв.

— Ну, это, я полагаю, общеизвестно!

— Ну не скажите. Эти слухи о переносе столицы — ещё не всё. Серьёзный политический треугольник сложился, где каждый себе представлял не только столицу, но и всё русское государство по-разному. У меня на этот счёт уже три тома документов. Вы понимаете, что несут в себе эти три тома материалов, если письменность появилась только-только? Я приехал, чтобы окончательно довести исследование... Но никому ничего не надо. Одни: это не актуально, лучше бы колбасы дали людям, а не кормили историческими сказками. Другие: надо на Запад нос держать и не путать их с нашими убогими былинами. Третьи... Ну, вы-то,

вижу, чувствуете, что́ значит такой материал?! Вчера, представляете, один мужик, большой начальник, сказал, что желательнее этот материал так подать, чтобы «москали» не могли использовать и он только украинской национальной идее послужил. Рабы! Поболее, чем крепостные до реформы. Неужели непонятно, что мы все живы именно славянским братством? Не делаясь, когда... Корни надобно знать! Вот...

Олег с трудом затащил «созревшего» соседа в номер. Потом возбуждённо листал страницы с нечёткими фотографиями местности, где живописные развалины уже не казались хаотическим скоплением камней. Были здесь и довольно серьёзные расчёты, где определялась центральная точка полуразрытого кургана... Не заметил, как увлёкся, однако вскоре в дверь поцарапались, и зашёл сосед. Он выглядел трезвым, хотя с измученным лицом.

— Надеюсь, что вам не показалось наивным то, что здесь я написал. Уверяю — это на самом деле сенсация. Это же наши корни! Как без них? — по щекам его пробежали две борозды слёз.

...Сонная вахтёрша долго не могла сообразить, куда собрался этот «чудик» среди ночи. Потом дотошно проверяла весь убогий инвентарь комнаты. А Олег нетерпеливо переступал с ноги на ногу:

— Да давайте заплачу хоть за десять вешалок, только побыстрее дайте паспорт.

Он мчался в ночь на запоздалом молоковозе, потом с подозрительной компанией в джипе, что ехала с охоты, и все предлагали ему «выпить и пострелять». Он ехал к отцу, которого не видел несколько лет и не писал после его резкого ухода к другой женщине. Он боялся не застать. Не успеть услышать что-то важное.

Он вспомнил, что был историком.

Не забыл, что оставался сыном.